

О ТЩЕСЛАВІИ.

СЛОВО ПОКОЙНАГО АѦНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО

(1-го сентября 1834 года).

Не бываемъ тщеславни (Гал. 5, 26).

Не нужно объяснять вамъ, слушатели, что запрещаетъ намъ сія заповѣдь апостольская; ибо очень ясно, что она запрещаетъ намъ тщеславіе. Заповѣдь апостольская, какъ заповѣдь Божія, не можетъ запрещать намъ ничего добраго и полезнаго, а можетъ запрещать одно только худое и вредное; а посему, если она запрещаетъ намъ тщеславіе, то, конечно, потому, что оно есть дѣло худое и вредное, дѣло гнуемое и пагубное.

Но между тѣмъ какъ мы любимъ тщеславиться, и какихъ не употребляемъ средствъ и усилій къ тому, чтобы всѣ насъ хвалили и прославляли! Хвала и слава для многихъ изъ насъ суть идолы, для коихъ все дѣлается и всѣмъ жертвуется.

Ахъ! сколько есть людей, которые оставляютъ самыя богоугодныя и самыя благодѣтельныя предпріятія единственно изъ опасенія подвергнуться за нихъ человѣческой хулѣ и осужденію, и сколько, напротивъ, такихъ душъ, которыя готовы отважиться на самыя постыдныя и пагубныя дѣла, лишь бы получить похвалу и прославиться! Сколько, можетъ быть, есть и въ семъ святомъ храмѣ людей благочестивыхъ, которые отъ всего сердца и отъ всей души желали

бы пасть ницъ предъ престоломъ Всевышняго и со слезами умолять Его о помилованіи, но которые удерживаются отъ сего единственно опасеніемъ прослыть у людей суевѣрными, святошами и ханжами! И сколько, напротивъ, можетъ быть, есть и такихъ, которые совсѣмъ бы не хотѣли быть здѣсь, но не рѣшились сдѣлать сего только потому, чтобы не прослыть нечестивцами и безбожниками, или даже людьми не ловкими, незнающими приличія и неумѣющими жить въ свѣтѣ по принятымъ въ ономъ правиламъ и обычаямъ! Отъ чего же, слушатели, такъ любимъ мы тщеславіе, когда оно, какъ запрещаемое заповѣдію апостольскою, должно быть и гнусно, и вредно для насъ? Очевидно отчего. Оттого, что не знаемъ ни того, сколь оно гнусно, ни того, сколь оно вредно; ибо еслибы знали это, то непременно и отвращались бы отъ онаго, какъ гнуснаго, подобно какъ отвращаемся, напримѣръ, отъ гадовъ, которые кажутся намъ гнусными, и остерегались бы онаго, какъ вреднаго, подобно какъ остерегаемся, напримѣръ, яда, котораго вредъ намъ извѣстенъ.

А посему, дабы видѣть намъ совершенную необходимость хранить себя, по апостольской заповѣди, чистыми отъ тщеславія, какъ дѣла гнуснаго и вреднаго, покажемъ гнусность и вредъ онаго.

1. Чтобы увидѣть намъ, слушатели, сколь гнусно тщеславіе, и вполне почувствовать должное къ оному омерзеніе, стоитъ только изслѣдовать причины, отъ коихъ оно происходитъ, разсмотрѣть цѣль, къ коей оно стремится, вникнуть въ побужденіе, по коему оно стремится къ цѣли, и, наконецъ, посмотрѣть на средства, кои оно употребляетъ для достиженія цѣли.

Вопервыхъ тщеславіе гнусно и возбуждаетъ омерзеніе по причинамъ, отъ коихъ происходитъ. Сколь бы кто ни ста-

рался вывести происхождение тщеславія отъ чего-нибудь, такъ сказать, благороднаго, всѣ его старанія останутся тщетными. Не отъ чего другаго нельзя произвести онаго лучше, яснѣе и убѣдительнѣе, какъ отъ недостатка въ человѣкѣ истинной мудрости и истинной добродѣтели. Сей недостатокъ въ человѣкѣ есть истинная причина тщеславія его. Истинно мудрый знаетъ всю суетность и всю ничтожность славы человѣческой. Онъ знаетъ, что всякая слава человѣческая дѣйствительно, какъ свидѣтельствуешь и слово Божіе, не долговѣчнѣе цвѣтка на травѣ, что она послѣ совершенія славныхъ дѣяній, не болѣе продолжается, какъ цвѣтъ, послѣ изсохновенія травы (1 Петр. 1, 24), и что когда мы умремъ, то она не сойдетъ съ нами въ могилу. А потому, если онъ ищетъ славы, то не у людей, а у единого Бога (Іоан. 5, 44). И исканіе сей славы составляетъ существенное и отличительное свойство его мудрости. Притомъ истинно мудрый и вмѣстѣ добродѣтельный человѣкъ знаетъ, что всѣ наши добродѣтели, сколь бы святы и богоугодны сами по себѣ ни были, и наши дѣла милосердія, наши упражненія въ благочестіи, наши подвиги воздержанія не имѣютъ въ очахъ Божіихъ никакой цѣны и не заслуживаютъ никакой награды, когда дѣлаются не во славу Божію, а для снисканія славы человѣческой (Матѣ. 6, 1—18). А потому онъ, что ни дѣлаетъ, ѣстъ ли, пьетъ ли (1 Кор. 10, 31), говоритъ ли, служитъ ли (1 Петр. 4, 11), все дѣлаетъ единственно во славу Божію, дабы во всемъ славился Богъ. Если онъ и не скрываетъ иногда отъ взоровъ человѣческихъ своей добродѣтельной жизни и своихъ добрыхъ дѣлъ, то единственно для того, чтобы люди, видя его добродѣтельную жизнь и добрыя дѣла, прославляли Бога, Которому онъ служитъ и по закону Котораго живетъ и дѣйствуетъ (Матѣ. 5, 16. 1 Петр. 2, 12). Если онъ иногда и хвалится, то не собою, а Богомъ

(1 Кор. 1, 31). Если дорожить похвалою, то не человѣческою, а единственно Божіею (1 Кор. 4, 3—5). И таковое его исканіе славы отъ людей не себѣ, а единому Богу, а себѣ славы не отъ людей, а отъ единого Бога, составляетъ существенное и отличительное свойство его добродѣтели.

Если же такъ, если истинно мудрый и добродѣтельный ищетъ себѣ славы не у людей, а у единого Бога, и если, когда ищетъ славы у людей, ищетъ не себѣ, а единому Богу: то судите теперь сами, слушатели, можно ли отъ чего другаго производить тщеславіе, ищущее во всемъ себѣ единственно славы человѣческой, какъ не отъ недостатка истинной мудрости и истинной добродѣтели? И такъ что же теперь будетъ оно значить въ человѣкѣ? Оно есть всенародное провозглашеніе наше о себѣ, что въ насъ нѣтъ ни истинной мудрости, ни истинной добродѣтели. Оно есть открытая для всѣхъ вывѣска, что у насъ и голова пуста и сердце праздно. Видите ли, слушатели, какому сраму подвергаетъ насъ тщеславіе наше, будучи разсматриваемо въ своихъ причинахъ? Возненавидимъ убо оное, какъ порожденіе глупости и безнравственности.

Во вторыхъ, тщеславіе гнусно и возбуждаетъ омерзеніе по цѣли, къ коей стремится. Тщеславіе, повидимому, ищетъ невиннаго удовольствія, которое мы чувствуемъ отъ добраго о насъ мнѣнія другихъ: но сіе невинное удовольствіе есть только предлогъ, только личина, только покрывало. Истинная же и единственная цѣль, къ коей стремится тщеславіе, есть та, чтобъ казаться не такимъ, каковъ есмь, а такимъ какимъ желаю казаться, и какимъ желаю мнѣ быть, — дабы добро, котораго во мнѣ нѣтъ, замѣнить добрымъ о мнѣ мнѣніемъ другихъ, — кратко, чтобъ обманывать другихъ, и посредствомъ сего обмана пользоваться въ обществѣ правами и преи-

муществами, принадлежащими единственно мудрости и добродѣтели.

Такимъ образомъ тщеславіе, разсматриваемое въ отношеніи къ цѣли, къ коей оно стремится, есть явный признакъ того, что зараженные имъ—пронирыливые и на все готовые лицемѣры; есть неопровержимое доказательство противу нихъ, что они всесвѣтные обманщики; есть явная улика на нихъ, что они безсовѣстные хищники вовсе имъ непринадлежащаго. — Видите ли, слушатели, какому опять сраму подвергаетъ насъ тщеславіе, будучи разсматриваемо въ отношеніи къ цѣли, къ коей оно стремится. — Возненавидимъ убо оное, какъ покровъ гнуснаго лицемѣрія, обмана и хищничества.

Въ третьихъ, въ тщеславіи гнусно и возбуждаетъ омерзение *побужденіе*, по коему оно стремится къ цѣли. Побужденіемъ къ тщеславію служить или одна только гордость не терпящая никого, не только высшаго себя, но и равнаго себѣ, или одна только зависть, желающая быть ежели не выше, то по крайней мѣрѣ не ниже всѣхъ другихъ. Но гордость неразлучна съ презрѣніемъ, а зависть съ ненавистію и зложелательствомъ. А посему тщеславиться предъ другимъ значить или то же, что говорить ему, что онъ ничего не стоитъ передъ нами и что мы его въ душѣ своей презираемъ, или то же, что объявлять ему, что мы его въ сердцѣ своемъ ненавидимъ и терпѣть не можемъ, кратко: значить давать знать о себѣ, что мы или несносные гордецы, не терпящіе себѣ равныхъ и себя высшихъ, или низкіе завистники, никому добра нежелающіе. Видите, слушатели, какъ гнусно тщеславіе и какому сраму оно опять подвергаетъ насъ, будучи разсматриваемо по своему побужденію. — Возненавидимъ убо оное, какъ видоизмѣненіе или гордости, а слѣдовательно и презрѣнія къ другимъ, или зависти, а слѣдовательно и ненависти и зложелательства къ другимъ.

Въ четвертыхъ наконецъ, тщеславіе гнушно и возбуждаетъ отвращеніе и *по средствамъ*, кои оно употребляетъ для достиженія своей цѣли. И вотъ здѣсь-то наипаче открывается, слушатели, вся гнушность тщеславія. Тщеславный тщеславится *во первыхъ* всѣмъ, ничего не исключая, отъ самаго важнаго до самаго ничтожнаго, всѣмъ, отъ своей души до своего тѣла, отъ своей головы, до своихъ ногъ, отъ самого себя до всего ему принадлежащаго, отъ всего ему принадлежащаго до всего, какимъ ни есть образомъ его касающагося и къ нему относящагося, тщеславится даже и чужимъ, неимѣющимъ къ нему никакого отношенія. Онъ тщеславится и способностями своего ума, своею остротою, своимъ глубокомысліемъ, своею провицательностію, быстротою и обширностію соображенія, обширностію и твердостію памяти, живостію и пылкію воображенія, твердостію и рѣшимостію воли, нѣжностію и чувствительностію сердца, красотою и изяществомъ языка, пріятностію голоса, правильностію произношенія, ловкію тѣлодвиженій, гибкію и стройностію стана, красотою лица, мѣрностію походки, цвѣтомъ и прическою волосъ, одеждою, обувью, деньгами, имуществомъ, связями, знакомствами и даже всѣмъ чужимъ добромъ, давая намекъ, какъ-бы оно ему принадлежало, или по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ или имѣетъ важное вліяніе на оное. Онъ тщеславится, *во вторыхъ* всѣмъ безъ всякаго разбора, подлинно ли то, чѣмъ онъ тщеславится, достойно само въ себѣ похвалы и славы, или нѣтъ; ибо хочетъ только того, чтобы другіе хвалили его и удивлялись ему за что бы то ни было. А потому, судя по качеству тѣхъ, у коихъ онъ ищетъ себѣ похвалы и славы, онъ нерѣдко тщеславится даже и своимъ невѣжествомъ и своими пороками, тщеславится тѣмъ, чего должно стыдиться. Ахъ, слушатели, не случилось ли неоднократно слышать каждому изъ насъ собственными своими

ушами, какъ иные съ явнымъ тщеславіемъ разсказываютъ о себѣ такіа дѣла, что, слушая ихъ невольно вспомнишь слова св. апостола Павла, сказанныя о людяхъ подобнаго рода: *слава въ студь ихъ?* Что же все сіе открываетъ въ человѣкѣ тщеславномъ? Человѣка, или самаго мелочнаго и пустаго, или совершенно безхарактернаго и безнравственнаго. — Такимъ образомъ тщеславіе по средствамъ, кои оно употребляетъ для достиженія цѣли, есть, такъ сказать, выставка самыхъ ничтожныхъ умственныхъ и нравственныхъ мелочей. Видите, слушатели, сколь гнусно и какому сраму подвергаетъ насъ тщеславіе, будучи разсматриваемо по средствамъ, кои оно употребляетъ для достиженія своей цѣли? Возненавидимъ убо оное, какъ клеймо крайней пустоты и совершенной безнравственности!

Представьте теперь, слушатели, въ умѣ своемъ, всю гнусность тщеславія, и вы устыдитесь, что имѣли несчастье предаваться оному. Вы увидите, что въ немъ есть и гнусность глупости, и гнусность разврата, и гнусность лицемерія, и гнусность обмана, и гнусность хищенія, и гнусность презрѣнія, и гнусность ненависти и недоброжелательства, и гнусность совершенной пустоты, и гнусность совершенной безнравственности.

2) Но обозримъ, слушатели, и вредныя для тщеславнаго слѣдствія тщеславія.

Вредныя послѣдствія тщеславія могутъ быть разсматриваемы со стороны самого *тщеславнаго*, со стороны *Бога* и со стороны *другихъ*.

Вредныя послѣдствія тщеславія въ самомъ тщеславномъ состоятъ въ томъ, что онъ, предавшись тщеславію не только не дѣлается лучше ни по уму, ни по сердцу, но еще дѣлается непрестанно хуже какъ по уму, такъ и по сердцу.

Онъ не дѣлается лучшимъ ни по уму, ни по сердцу.

Ибо предавшись тщеславію, онъ нисколько не заботится ни о просвѣщеніи ума истинною мудростію, ни объ украшеніи сердца истинными добродѣтелями, а все его занятіе состоитъ въ томъ, чтобы только казаться умнымъ и добродѣтельнымъ; и какъ истинная мудрость состоитъ въ исканіи славы единственно Божіей, а не человѣческой, и истинная добродѣтель состоитъ въ дѣланіи всего добраго во славу не свою, а Божію: то очевидно, что успѣхи въ истинной мудрости и истинной добродѣтели совершенно несовмѣстны съ привычкою къ тщеславію.

Онъ дѣлается непрестанно худшимъ какъ по уму, такъ и по сердцу. Ибо свойства тщеславія таковы, что человѣкъ, предавшись оному, дѣлаетъ для своей славы не только то, что само въ себѣ достославно и достохвально, но и то, что само въ себѣ совершенно постыдно и достойно всякаго осужденія. И потому, чтобы казаться мудрымъ въ глазахъ буйнаго міра, онъ оставляетъ и остальную, какую имѣлъ, истинную, но осмѣиваемую міромъ, мудрость и чтобы казаться добродѣтельнымъ въ глазахъ во злѣ лежащаго міра, онъ готовъ оставить и остальную, какую имѣлъ, истинную, но осуждаемую міромъ, добродѣтель.

Вредныя послѣдствія тщеславія состоятъ еще въ томъ, что тщеславный весьма много имѣетъ къ своему осужденію на судѣ Божіемъ, и ничего къ своему оправданію.

Онъ весьма многое имѣетъ къ своему осужденію на судѣ Божіемъ. Ибо вмѣстѣ съ тщеславіемъ онъ весьма многіе имѣетъ пороки, которые, по самому свойству тщеславія, остаются безъ исправленія и тѣмъ тягчае и неизвинительнѣе, что допускаемы были не по немощи, или невѣдѣнію, но единственно для того, чтобы снискать похвалу отъ людей, называющихъ свѣтъ тьмою, а тьму свѣтомъ, добро зломъ, а зло добромъ.

Онъ ничего не имѣетъ для своего оправданія на судѣ

Божіемъ. Ибо если онъ и дѣлаетъ какія добродѣтели, то дѣлаетъ изъ тщеславія, а дѣлая изъ тщеславія, лишается, по неложному ученію Спасителя, всей награды за оныя отъ Бога, какъ получившій оную славою отъ людей. Такъ, милостыня есть весьма богоугодное дѣло, когда она подается изъ чистой любви къ ближнему. Но она не имѣетъ никакой цѣны въ очахъ Отца небеснаго, когда она подается не изъ любви къ ближнему, а единственно изъ тщеславія. *Егда твориши милостыню,* говоритъ Спаситель, *не востребуи предъ собою, якоже лицемеры творятъ въ сонмищахъ и въ стогахъ, яко да прославятся отъ человекъ: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6, 2). Молитва также есть весьма богоугодное дѣло, когда она есть плодъ душевнаго желанія бесѣдовать съ Богомъ; но и она также не имѣетъ никакой цѣны предъ Богомъ, когда совершается единственно изъ тщеславія. *Егда молишися,* говоритъ опять Спаситель, *не буди, якоже лицемеры, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогахъ пугній стояще молитися, яко да явятся челоѡкомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6, 5). Также постъ есть весьма богоугодное дѣло, когда содержитъ какъ необходимое средство къ умерщвленію плоти съ ея страстями и похотями. Но и онъ также не имѣетъ никакой цѣны предъ очами Отца небеснаго, когда содержится только изъ тщеславія. *Егда поститесь,* говоритъ также Спаситель, *не будите, якоже лицемеры, сътующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся челоѡкомъ постящися: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою.* (Матѣ. 6, 16). Что говоритъ Спаситель о милостынѣ, о молитвѣ и о постѣ, тоже, конечно, должно разумѣть и о всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, дѣлаемыхъ изъ тщеславія.

Наконецъ вредныя послѣдствія тщеславія со стороны лю-

дей состоятъ въ томъ, что тщеславный лишается у нихъ и того добраго мнѣнія, которое они имѣли о немъ, пока не обнаружилъ предъ ними тщеславія.

Пока люди, видя наши совершенства и добрыя дѣла, не примѣчаютъ въ насъ тщеславія, дотолѣ они или уважаютъ насъ, если они добрые, или завидуютъ намъ, если они недобрые, но никогда не презираютъ. Но какъ скоро примѣтятъ въ насъ тщеславіе, ихъ мнѣніе о насъ и ихъ расположеніе къ намъ тотчасъ перемѣняются. Тогда люди умные и добрые сожалеютъ о насъ и осуждаютъ, какъ людей легкомысленныхъ и суетныхъ, а люди глупые и злые, презираютъ насъ, какъ негодаевъ, и смѣются надъ нами, какъ надъ глупцами.

Вотъ сколь вредны, слушатели, послѣдствія тщеславія! Сдѣлавшись жертвою тщеславія, человѣкъ самъ въ себѣ не только не дѣлается лучшимъ, но еще непрестанно дѣлается худшимъ; предъ судомъ Божиимъ весьма многое имѣетъ къ своему осужденію, и ничего къ своему оправданію, а въ людяхъ теряетъ и доброе о себѣ мнѣніе, которое они имѣли о немъ прежде.

Будемъ, слушатели, какъ можно чаще помышлять о семъ вредѣ тщеславія и какъ можно чаще представлять себѣ гнусность онаго. Тогда не будемъ мы такъ любить тщеславиться, какъ любимъ теперь. Тогда мы будемъ отвращаться тщеславія, какъ порока весьма гнуснаго, и остерегаться онаго, какъ весьма вреднаго. Не будемъ дорожить суетными похвалами человѣческими и не будемъ искать суетной славы человѣческой, но будемъ дорожить единственно похвалою Божіею и искать славы отъ единого Бога, а для сего все будемъ дѣлать во славу Божію, ибо прославляя Бога, мы и сами, по неложному обѣтованію Его, будемъ прославлены. *Азъ, говоритъ Онъ, прославляющія Мя прославлю. — Аминь.*

АРХИМАНДРИТЪ МИТРОФАНЪ.

НАСТОЯТЕЛЬ МОСКОВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Покойный отецъ архимандритъ Митрофанъ, началъ было (въ апрѣлѣ 1846 г.) составлять, на латинскомъ языкѣ, подробныя записки о собственной жизни. Не для другихъ, а единственно для того, чтобы *познать себя*, онъ предпринялъ этотъ трудъ; но, къ сожалѣнію, простеръ его не далѣе седьмого года своего возраста. Кромѣ того, онъ пытался кратко въ стихахъ изобразить нѣкоторыя черты своей жизни. Этотъ очеркъ доведенъ до 1839 года, но съ опущеніемъ дѣтства и школьной жизни о. Митрофана. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ былъ его некрологъ, заимствованный послѣ «Губернскими» (1851 г., № 4, стр. 39—42). Предлагаемыя нами свѣдѣнія объ архимандритѣ Митрофанѣ почерпнуты, сверхъ указанныхъ источниковъ, изъ официальныхъ и многихъ другихъ бумагъ, оставшихся по его смерти, также изъ достовѣрныхъ разсказовъ о немъ.

Въ селѣ Ивановскомъ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія былъ священникъ Герасимъ Ивановичъ. Того же села дьячекъ Лаврентій Герасимовъ, сынъ священника, жилъ съ родителемъ въ одномъ домѣ. Жена его Екатерина Никитична отличалась не одною наружною красотою, но также тихостью нрава и добротой сердца. У нихъ родился, въ 1791 году ноября 2-го, сынъ Михаилъ, такъ названный въ честь св. архистратига Михаила, празднуемаго церковію 8-го числа ноября; въ этотъ день и совершилось надъ младенцемъ таинство

крещенія. Старшій братъ его — Петръ въпослѣдствіи былъ священникомъ въ селѣ Огниковѣ, Звенигородскаго уѣзда; младшая сестра Пелагея, слабая и болѣзненная, скончалась въ отроческомъ возрастѣ. Михайлъ въ дѣтствѣ тоже былъ болѣзненнымъ, — почти три года страдалъ разслабленіемъ и не могъ ходить. Съ цѣлю укрѣпить его ножки, мать, по совѣту какой-то крестьянки, посадила его подъ квашню, потомъ и забыла про него; тогда только вспомнила, когда другіе спросили о немъ. Бѣдный ребенокъ началъ уже задыхаться, и мать вынула его изъ-подъ квашни — полуживаго ^(а)!

Тѣмъ, что онъ былъ долгое время *сиднемъ*, ему, какъ онъ самъ объяснялъ въ своихъ запискахъ, какъ будто предъизображалась жизнь сидячая, уединенная, т. е. монашеская, какую онъ и проводилъ послѣ. На четвертомъ году отъ рожденія Михайлъ лишился своей матери (умерла отъ родовъ), и его взялъ къ себѣ на воспитаніе дѣдъ по матери Никита Гавриловичъ, священникъ села Покровскаго — въ Дмитровскомъ уѣздѣ. И дѣдъ, и бабка Юліанія нѣжно любили своего внука. Живя у нихъ, онъ не имѣлъ понятія о горькомъ сиротствѣ: ни разу не испыталъ надъ собой суровой строгости, и весело проводилъ время въ кругу молодыхъ сверстниковъ. Въ лѣтнюю пору собиралъ цвѣты и травы на лугахъ, землянику и грибы въ лѣсу; руками и ситомъ ловилъ въ прудѣ рыбу и пиявицъ; много разъ на дню купался и мутилъ воду пескомъ подъ водою. Онъ легко и смѣло переплывалъ прудъ, глубокій и прозрачный, но однажды совсѣмъ было утонулъ; его выхватилъ изъ воды, съ опасностію за свою жизнь, дядя его по отцѣ Николай Герасимовичъ, бывшій послѣ священникомъ въ селѣ Труневкахъ, Дмитровскаго уѣзда. У своего дѣдушки Михайлъ жилъ включительно до седьмаго года своей жизни, — выучился читать и въ первый разъ у него же исповѣдался въ своихъ грѣхахъ. Старецъ внушалъ ему страхъ Божій и благочестіе. «Я, пишетъ о. Митрофанъ, любилъ его такъ, что почти совсѣмъ забылъ моего родителя, и когда

(а) Митрофанъ умалчалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, вѣроятно, щадя свою добрую мать, о которой отзывается онъ съ трогательною любовью.

отецъ приходилъ видѣться со мной, я едва ли не считалъ его за чужаго. Такъ привычка обратилась у меня въ другую природу! Но не долго мнѣ дано было наслаждаться счастьемъ: ибо дѣдъ мой овдовѣлъ; одинокій и печальный, онъ не могъ болѣе пешихъ о мнѣ, и меня возвратилъ моему отцу.» ^(б)

Въ 1801 году 2-го сентября, Михаилъ Воронцовъ поступилъ въ Дмитровскую духовную семинарію, гдѣ обучался (первоначально грамматикѣ и ариметикѣ) съ такимъ прилежаніемъ, что, бывало, когда товарищи его въ свободные часы забавлялись играми, онъ подъ кустомъ гдѣ-нибудь твердилъ латинскіе вокабулы. Въ октябрѣ 1805 года, по собственному прошенію, онъ перемѣщенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію; но предварительно держалъ экзаменъ и оказался достойнымъ синтаксическаго класса, въ которомъ онъ и прежде числился ^(в). По ходатайству его двоюроднаго дяди, іеродіакона Амвросія, ризничаго на Саввинскомъ архіерейскомъ подворьѣ (въ Москвѣ) ^(г), взялъ его къ себѣ преосвящ. Августинъ, викарій московскій, въ посошники,

(б) Отецъ Михаила, Лаврентій Герасимовъ вступилъ, впрочемъ не ранѣе 1799 года, во второй бракъ съ Агрипиной Алексѣевою, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Когда послѣ вѣнчанія съ нею пришелъ изъ церкви, то заставилъ сына своего Михаила поклониться ей въ ноги, говоря: «вотъ тебѣ вторая мать, — люби ее и слушайся!» Въ 1820 году мая 23 го онъ переведенъ былъ причетникомъ въ г. Дмитровъ къ Благовѣщенской церкви; умеръ 1831 года, марта 28-го.

(в) Дѣла архива московскаго семинарскаго правленія 1805 г., № 394.

(г) Амвросій посвященъ въ іеромонаха 1812 года апрѣля 14-го и съ этого времени исправлялъ экономскую должность. Съ 1815 года ноября 1-го находился на Троицкомъ Сухаревскомъ подворьѣ, гдѣ проходилъ должности крестоваго іеромонаха, епархіальнаго духовника и эконома. Съ 1826 года октября 3-го былъ настоятелемъ въ Николаевскомъ перервинскомъ мон.; съ 1828 года мая 9-го игуменомъ той же обители, а потомъ вскорѣ (съ 27-го числа) архимандритомъ серпуховскаго Высоцкаго монастыря; скончался 4-го марта 1842 г. Митрофанъ въ надгробномъ словѣ обращался къ почившему съ такими словами: «чтожъ, наконецъ я воздамъ тебѣ, о мужъ приснопамятный, возлюбленный и присный мой, ты, который отъ юности моей былъ первымъ моимъ наставникомъ, добрымъ попечителемъ и толико всегда благотельнымъ участникомъ въ судьбѣ дней моихъ?...»

т.-е. для ношенія и держанія при немъ, во время архіерейскихъ службъ, архіерейскаго жезла. Но это не ослабляло въ мальчикѣ ревности къ ученію. Въ разрядномъ спискѣ за 1807 годъ онъ, тогда ученикъ риторики, значится подъ 3-мъ №; а въ слѣдующемъ году за благонравіе и успѣхи награжденъ былъ книгой ^(а). Онъ рано почувствовалъ склонность къ поэзіи и предался ея сладостному влеченію. Вотъ какъ онъ изображаетъ себя въ письмѣ къ одному изъ знакомыхъ:

Хоть музы мнѣ не улыбались,
И я поэтомъ не рожденъ;
Но чувства мнѣ въ утѣхъ достались
Къ красамъ поэзіи—съ временемъ
Туманной школьной жизни....

Въ высшихъ классахъ, Воронцовъ обучался наукамъ философскимъ, богословскимъ и другимъ предметамъ. Живя тогда не у дяди, а на квартирѣ, «въ наемной, тѣсной хатѣ» (въ Зарядѣ), онъ давалъ уроки въ богатыхъ домахъ, напр. въ домѣ генеральши А. Н. Неклюдовой, гдѣ и самъ научился говорить по-французски. Любознательный, онъ находилъ время посѣщать и лекціи профессоровъ Московскаго университета. Съ 1812 года апрѣля 1-го дня, былъ учителемъ нижней информаторіи ^(б) въ той же академіи. Спустя немного времени, именно 4-го числа мая, правленіе Московской академіи представляло митрополиту Платону, что къ замѣщенію наставнической вакансіи по классу поэзіи, оно призываетъ достойными, «по особенной способности къ стихотворству», учителя грамматики Θεодора Платонова ^(ж) и низшаго латин-

(а) Наставникомъ его по классу риторики былъ Павелъ Чертковъ, въ монашествѣ Пареній, съ 25-го ноября 1811 года префектъ академіи. Въ санѣ архіепископа владимірскаго онъ писалъ (1845, іюня 30) къ Митрофану: «помню я васъ, по бытности школьнымъ учителемъ вашимъ, какъ лучшаго ученика.»

(б) Въ ней учили начаткамъ латинскаго языка и правописанію на Русскомъ.

(ж) О. Е. Яковлевъ-Платоновъ извѣстенъ сочиненіями: «Надпись на крестѣ Господа Иисуса Христа» и «Апостолы». Какъ товарищъ Митрофана по академіи (вмѣстѣ учились и служили), велъ съ нимъ въ послѣдствіи дружелюбную переписку. Скончался въ свѣтскомъ званіи 1853 года, погребенъ въ Моск. Даниловѣ мон.

скаго класса информатора Михаила Воронцова. Изъ нихъ первый и былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи, а второй на мѣсто его — учителемъ грамматики. Но училищная дѣятельность Михаила Лаврентіевича на нѣкоторое время была прервана въ смутный 1812-й годъ. Онъ находился въ свитѣ преосвящ. Августина, во время удаленія его изъ Москвы (въ два часа по полудни на 2-е число сентября) отъ Французовъ. Во Владимірѣ (на Клязьмѣ) разстался съ нимъ и сопутствовалъ архимандриту московскаго Златоустова монастыря Лаврентію ^(з). По прибытіи вмѣстѣ съ нимъ въ Вологду, жилъ здѣсь слишкомъ два мѣсяца; написалъ латинскіе стихи (элегію) на смерть митрополита Платона († 11-го ноября); въ концѣ декабря возвратился въ Москву.... Въ слѣдующемъ году 13-го сентября Михаилъ Л.—чъ назначенъ учителемъ риторики, поэзіи и исторіи въ Перервинской семинаріи ^(и). Есть нѣсколько латинскихъ стиховъ, писанныхъ имъ на Перервѣ, въ числѣ коихъ: *eminentissimo Augustino puerilis gratulatio* (преосвященнѣйшему Августину привѣтъ отъ дѣтей), на день рожденія. Для отдыха и развлеченія ученикамъ, а вмѣстѣ съ цѣлію пріучить ихъ къ внѣшней развязности и свободному выраженію мыслей, — въ семинарскихъ классахъ, въ свободное отъ ученія время, устраивались театральныя представленія, для которыхъ учитель Воронцовъ составлялъ пьесы. Сверхъ того, онъ любилъ музыку и, извлекая изъ своихъ гуслей стройные звуки, тому же искусству обучалъ и пѣвчихъ. Въ эту

(з) Онъ же и префектъ Перервинской семинаріи. На другой день по пріѣздѣ во Владимірѣ, о. Лаврентій выѣхалъ догонять обозъ съ драгоценностями Моск. святыни, шедшій въ Вологду, и догналъ его въ Ярославль; вмѣстѣ съ обозомъ продолжалъ путь въ Вологду... Со 2-го апрѣля 1813 года настоятельствовавъ въ Богоявленскомъ мон.; въ полѣ 1816 переведенъ въ Высокопетровский; съ 19-го января 1819 былъ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ. Скончался 17-го декабря 1847 г., въ санѣ архіепископа Черниговскаго. Жизнеописаніе его см. въ „Странникъ“ 1862, октябрь.

(и) Въ послужномъ его спискѣ за 1813 годъ читаемъ еще: „на нѣмецкій языкъ переводить, а на французскомъ говорить и обучать умѣть.“ Въ позднѣйшихъ спискахъ (напр. 1836 г.) значится онъ учителемъ риторики и франц. языка.

пору его жизни Господь спасъ его отъ нечаянной смертной опасности: ходилъ онъ съ Я. О. Колоколовымъ на богомолье. Въ лѣсу застала ихъ сильная гроза, отъ которой они надѣялись укрыться подъ деревомъ. Но во время грозы опасно стоять подъ деревомъ. Вспомнивъ это, Михаилъ Л—чъ и самъ поспѣшно отошелъ въ сторону отъ дерева и своего спутника убѣдилъ сдѣлать то же. Лишь только они отошли отъ дерева, какъ страшный ударъ молніи раздробилъ его въ щепы!

Въ 1814 году преобразованы по новому уставу двѣ семинаріи въ московской епархіи: Перервинская и Виванская. Въ профессора словесныхъ наукъ Спасо-виванской семинаріи преосвященный Августинъ рекомендовалъ учителя риторики въ Перервинской семинаріи Михаила Воронцова, «который, при отличныхъ дарованіяхъ и многихъ свѣдѣніяхъ, имѣеть особенный даръ витійства и рѣдкую склонность къ ученымъ занятіямъ» ^(і). Онъ, однакожъ, не былъ утвержденъ и, по увольненіи отъ училищной службы, въ томъ же (1814) году ноября 13-го вступилъ въ бракъ съ Ольгою Никитичной, дочерью священника церкви Гребневской Богоматери, на Лубянкѣ, Н. П. Цвѣткова. 3-го числа декабря, онъ былъ рукоположенъ во священника къ церкви св. Іоанна Богослова, что въ Бронной ^(к). Но при ней не было священническаго до-

(і) Свѣдѣніе о семъ сообщено Н. П. Розановымъ.

(к) Церковь эта уцѣлѣла во время нашествія непріятельскаго, но утварь въ ней была разграблена, строила подъ желѣзною крышей сожжены. Дома священно-и-церковно-служителей сгорѣли, и изъ нихъ былъ на лицѣ одинъ дьячекъ, мой дѣдъ, священникъ Димитрій Ивановичъ, скончавшійся въ Кіевѣ. Священнослуженіе въ сей церкви и мірскія требы исправлялъ священникъ съ причтомъ Теодоро-студитской ц., къ которой Іоанно-Богословская была приписана. Октября 6-го дня 1813 года, вслѣдствіе прошенія прихожанъ Богословской ц. о дозволеніи исправить ее, преосв. Августинъ далъ такую резолюцію: «какъ Богословская церковь имѣеть доходы съ лавокъ (одна въ ножевомъ, другая въ шпажномъ ряду), и архитектуру лучше Теодоро-студитской, то ее сдѣлать самостоятельною, а Теодоро-студитскую къ ней приписать, и священника (Евѣимія Васильевича Нечаева) съ причтомъ перевести къ ней, а потому и исправить Богословскую ц. дозволить». Но отъ 7-го ноября 1814 года послѣдовала

ма, вслѣдствіе чего Михаилъ Л—чъ нѣкоторое время жилъ въ чужомъ домѣ до построенія своего.

И. А. Геймъ, ректоръ Московскаго университета, отношеніемъ къ преосв. Августину отъ 3-го сентября 1815 года, просилъ «назначить кого-либо изъ духовныхъ особъ для обученія въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (на Тверской улицѣ), два дня въ недѣлю — въ среду и субботу, отъ 8 до 10 часовъ, закону Божію ^(а). Жалованья ему за трудъ сей на первый случай полагается триста рублей въ годъ». Законоучителемъ опредѣленъ 7-го числа священникъ Михаилъ Л—чъ, «который, — какъ отзывался о немъ преосвященный въ письмѣ къ Гейму (сент. 11-го), — по благонравію и просвѣщенію своему подаетъ надежду, что можетъ съ успѣхомъ проходить оную должность». Преподавателемъ закона Божія и вмѣстѣ церковной исторіи въ пансіонѣ онъ былъ четыре года съ половиною ^(м). Въ 1819 году была напечатана проповѣдь о. Михаила на освященіе церкви, устроенной въ домѣ пансіона. Въ ней повторилъ онъ слова императора Александра I-го, сказанныя его величествомъ въ пансіонѣ 18-го августа 1816 года и вырѣзанныя золотыми буквами на доскѣ, — слѣдующія слова: «истинное просвѣщеніе основано на религіи и Евангеліи».

Ноября 6-го дня 1815 года преосв. Августиномъ о. Михаилъ отъ Богословской, что въ Бронной, церкви переведенъ, согласно его прошенію, къ Никольявленской церкви (на Арбатѣ). Съ 1818 года, онъ неустанно проповѣдывалъ въ сей церкви во всѣ воскресные и праздничные дни, начавъ съ катихизическихъ поученій. Его проповѣди, писанныя живымъ и одушевленнымъ слогомъ, дышатъ истиннымъ благочестіемъ и пастырскою ревностію. Проводя, въ поучительномъ

другая резолюція: «Федоро-студитскую ц. по довольному числу дворовъ, сдѣлать самостоятельною, и прежняго священника съ причтомъ при ней оставить.» (Дѣла архива московской дух. консисторіи.)

(а) До сего времени законъ Божій преподавалъ проф. Снегиревъ, отецъ извѣстнаго археолога Ивана Мих. Снегирева.

(м) См. книгу Н. В. Сушкова: «московскій университетскій благородный пансіонъ».

словѣ на день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (1835 г.), ту мысль, что «истина, какъ замѣтилъ нѣкто изъ древнихъ, можетъ быть нарушаема людьми двоякимъ образомъ: или ложью или молчаніемъ, когда боятся оскорбить и унижить печальною истиною того, кого любить», — проповѣдникъ взываетъ: «жестокое сожалѣніе!... Нѣтъ, это не должно быть такъ! Я выскажу моему другу всю полезную для него истину, не только со всею откровенностію и безпристрастіемъ, но даже и съ строгостію, если она будетъ нужна. Лучше любить съ строгостію, нежели обманывать съ пріятною свисходительностію. Пусть скажутъ, что говорить правду значить терять дружбу. Я великодушно готовъ пожертвовать самою дружбою, только бы могъ пріобрѣсти и спасти отъ гибели брата моего: ибо никто не можетъ быть другомъ чловѣка, если не будетъ сперва другомъ истины, говорить блаженный Августинъ». Вѣрный долгу говорить истину, о. Михаилъ, дѣйствительно, смѣло и съ жаромъ обличалъ въ своихъ проповѣдяхъ многіе современные пороки и худыя обычаи. И несмотря на обличительный тонъ его проповѣдей, москвитяне во множествѣ собирались въ храмъ Николая явленнаго слушать проповѣдника. «Какъ теперь вижу огромный сѣздъ экипажей, простирающійся въ два ряда отъ церкви по всему переулку, говорилъ нашъ знакомый. О. Михаилъ возбуждалъ вниманіе къ себѣ не только внутренними достоинствами проповѣдей своихъ, но и самою наружностію: потому-что отличался величественною осанкою, смѣлою поступью и звучнымъ, входящимъ въ душу голосомъ (теноръ). Но еще болѣе въ проповѣдникѣ нравились слушателямъ искусство произношенія и приличныя тѣлесныя движенія при семъ. Однажды, въ праздникъ св. Николая Чудотворца, при молитвенномъ, въ концѣ слова, обращеніи къ святителю, онъ, въ избыткѣ религіознаго чувства, палъ на колѣна передъ образомъ, а встѣдъ за нимъ пали въ слезахъ и слушатели!». Такъ-то слова трогаютъ и убѣждаютъ, а примѣръ увлекаетъ! За прилежное проповѣданіе слова Божія, на него возложенъ набедренникъ (1836 г. марта 4-го); еще прежде (1831 г. февраля 13-го) была пожалована ему скуфья.

Отецъ Михаилъ во многихъ домахъ давалъ уроки по закону Божію. Часто посѣщалъ болѣзненную, но благочестивую, и и благотворительную графиню В. Н. Панину, искавшую, въ бесѣдѣ съ духовнымъ отцемъ, не земныхъ утѣшеній ^(и). Но и его домъ былъ открытъ для многихъ его духовныхъ дѣтей. Съ знатными онъ обращался «со всякою внимательностію къ ихъ знатности, и притомъ такъ, чтобы не унижить достоинства и собственного сана, не измѣнить строгости своего долга» (изъ его проповѣди). Для бѣдныхъ родныхъ домъ его служилъ всегдашнимъ пріютомъ. Не проходило почти дня, когда бы не было у него кого нибудь изъ родныхъ: одни пріѣзжали, а другіе уѣзжали, довольные гостепріимствомъ и радушіемъ добрыхъ хозяевъ.

1829 года іюля 30-го тяжело заболѣла (заваломъ въ боку) и ровно чрезъ мѣсяць тихо скончалась Ольга Никитична, добрая жена отца Михаила, попечительная о дѣтяхъ мать и гостепріимная хозяйка. Погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Горько плакалъ вдовецъ и нѣкоторое время не могъ успокоиться отъ снѣдавшей его тоски... И въ часы радости нерѣдко проливалъ онъ слезы, вспоминая о подругѣ своей, отшедшей въ вѣчность! Но пастырскія занятія и отчасти стихотворство облечали его сердечную скорбь: ибо опытомъ дознано, что у кого дѣло на рукахъ, у того половина горя на душѣ. Въ посланіи «къ врачу возлюбленному» А. Н. Цвѣткову онъ извѣщаетъ о себѣ (15-го іюля 1831 г.):

Мой другъ! пока я живъ, любитель чистыхъ музъ.

Хоть горькій я несу судьбы святой искусъ,

Хоть тяжело одному влачить дней сирыхъ бремя:

Но должно ль убивать въ постыдной лѣтѣ время?

Изъ дѣтей отца Михаила (всѣхъ было 9) находится въ живыхъ одинъ Нилъ Михайловичъ, священникъ Страстного женскаго монастыря въ Москвѣ. Старшій сынъ его Константинъ, утѣшавшій родителя благонравіемъ, способностями и

(и) Она жила въ приходѣ Николая чуд., что въ Хлыновѣ; скончалась 9-го апрѣля 1841 года. Согласно ея завѣщанію (отъ 2-го сент. 1839), въ Николаевскую церковь внесены на поминаніе 6000 р.

пріятнымъ голосомъ, умеръ въ отроческомъ возрастѣ. Грусть родителя о ранней кончинѣ его (15-го января 1832 г.), трогательно изображена въ слѣдующихъ стихахъ:

Отлетѣлъ мой соловей,
Первенецъ любви моей.
Мнѣ тебя ужъ не лобзать,
Милыхъ взоровъ не видать!
Ты въ таинственный предѣлъ
Соловей мой отлетѣлъ,
И не въ чуждый темный край,
Но въ пресвѣтлый Божій рай!
Твоя чистая душа,
Бренны узы отложя,
Милой матери съ душой
Обнялась въ странѣ святой!
Ахъ, разлука мнѣ тяжка;
Но тебѣ тамъ жизнь сладка,
О, безцѣнный соловей!...
Пой въ раю; тамъ веселѣй!
Мало въ здѣшней ты странѣ
Пѣлъ для насъ въ твоей веснѣ;
Улетѣлъ отъ злой зимы:
Скоро ль вмѣстѣ будемъ мы?.

Тутъ кстати чтобъ о дѣтяхъ не тужилъ, ему чужихъ, дѣтей дали подъ опеку. ^(о)

И всѣхъ-то ихъ устроилъ я къ мѣстамъ,
Сиротъ-невѣстъ далъ добрымъ женихамъ,
Другихъ сиротъ имѣніе умножилъ....

Отецъ Михаилъ имѣлъ сначала долгъ на себѣ по случаю покупки дома, а послѣ и самъ давалъ въ займы.

Но ни одинъ должникъ не расплатился,
Кто умеръ, кто въ безпутствѣ разорился.
И денегъ я себѣ не нажилъ въ прокъ...

(о) Съ 1830 г. онъ состоялъ опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми и имѣніемъ Покровской, въ Лѣвшинѣ, церкви священника Г. А. Левитскаго († 1830, 4 марта). Не была снята съ него и прежняя опека (съ 9-го февраля 1825 года) надъ дѣтьми и имѣніемъ родственнаго ему Троицкаго, на Листахъ, умершаго священника Владиміра Никитича Цѣткова; уволенъ отъ ней въ 1838 г.

Въ 1836 году при немъ начата перестройка, въ Николо-явленской церкви, придѣла въ честь Ахтырскія иконы Богоматери, пришедшаго въ ветхость, при чемъ дано разрѣшеніе и на переименованіе придѣла, согласно желанію прихожанъ, въ честь новоявленного угодника Христова, Воронежскаго святителя Митрофана, тѣмъ болѣе, что въ приходской церкви имѣется уже издавна придѣлъ *во имя Покрова пресв. Богородицы* ^(и).

Между тѣмъ высокопреосвященный Филаретъ, умѣвшій распознавать людей, предложилъ о. Михаилу новый родъ жизни—монашество. Нечаянность этого предложенія встревожила его; считая себя недостойнымъ и не готовымъ къ принятію ангельскаго образа, онъ не спѣшилъ изъясненіемъ согласія. Предложеніе повторено было до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ благопопечительный архипастырь общалъ ему: «тебя на видъ тотчасъ поставлю, ты у меня не глупый»; а относительно сына сказалъ ему: «сынъ твой можетъ при тебѣ воспитываться». Считая предложеніе богомудраго и прозорливаго іерарха за призваніе Божіе и ободренный духовнымъ сновидѣніемъ (казалось ему во снѣ, что его благословляли святители московскіе, прославленные отъ Бога нетлѣніемъ, когда онъ прикладывался къ ихъ св. мощамъ), отецъ Михаилъ наконецъ далъ согласіе на принятіе монашества. Тогда преосвященный митрополитъ благословилъ его и сказалъ ему: «побывай (за вечерней) въ Златоустовѣ монастырѣ, и потомъ приди ко мнѣ».

3-го сентября высокопреосвященный Филаретъ доношеніемъ въ св. Синодъ представилъ трехъ кандидатовъ на вакансію архимандрита въ третьекласный Златоустовъ монастырь ^(р). Изъ нихъ опредѣленъ, октября 12-го 1837 г., первый—отецъ Михаилъ, «по тому уваженію, что онъ, проходя болѣе

(и) Новый придѣлъ освященъ былъ архим. Митрофаномъ, 26-го ноября 1840 года.

(р) 19-го іюня рѣшено дѣло о переводеніи Златоустовскаго архимандрита Даніила (изъ іеромонаховъ Пекинской миссіи) въ Казанскій университетъ на кафедру китайскаго языка, съ званіемъ ординарнаго профессора; въ концѣ іюля онъ уже отправился въ путь.

20-ти лѣтъ священническое служеніе съ постоянно-честнымъ поведеніемъ, пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ проповѣдника слова Божія и что по сему особенно можетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ службы, какъ удостоверяетъ митрополитъ московскій». Октября 22 московскій святитель съ отеческою улыбкою спросилъ его: «какое бы онъ избралъ себѣ монашеское имя»? Онъ произнесъ имя Воронежскаго святителя Митрофана. Архипастырь замѣтилъ: «я самъ такъ думалъ, потому что ты почтилъ его хвалебнымъ пѣнопѣніемъ»^(с). На другой день, въ субботу, отецъ Михаилъ служилъ послѣднюю литургію въ Николо-явленской церкви, при которой находился іереѣмъ въ продолженіе 22-хъ лѣтъ. Въ прощальномъ словѣ онъ благодарилъ прихожанъ за благо-расположеніе къ нему и любовь, «плодомъ коихъ, говорилъ онъ, было то, что я всегда съ радостію, а не воздыхая творилъ дѣло Божіе, дѣло моего служенія среди васъ.... Я не упускалъ возвѣщать вамъ волю Божію; сѣялъ среди васъ слово Христово, настоялъ *благовременнѣе и безвременнѣе*»... Вечеромъ того же дня, въ крестовой церкви Троицкаго подворья, во время всенощнаго бдѣнія онъ постриженъ самимъ митрополитомъ въ монашество и нареченъ Митрофаномъ. При этомъ обрядѣ, читая одну молитву, святитель прослезился.... Проведя ночь въ Петровскомъ монастырѣ, іеромонахъ Митрофанъ въ воскресенье 24 числа октября — день Скорбящей Божіей Матери, на литургіи въ той же крестовой церкви поставленъ его высокопреосвященствомъ въ архимандрита Златоустова монастыря, а передъ вечерней введенъ о. благочиннымъ въ управленіе монастыремъ. Въ новомъ санѣ и на новомъ мѣстѣ онъ съ прежнею ревностію продолжалъ проповѣдывать слово Божіе, и тѣмъ привлекалъ въ монастырь многихъ слушателей. Въ воскресные и праздничные дни, на правомъ клиросѣ монастырской церкви пѣли воспитанники моск. семинаріи, въ числѣ 8 или болѣе чловѣкъ, за что пользовались отъ монастыря квартирой и отопленіемъ.

(с) Ниже мы будемъ говорить объ этомъ пѣнопѣніи.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ монастырь, именно 26-го ноября, архимандритъ Митрофанъ былъ назначенъ присутствующимъ членомъ консисторіи. Дѣлами по ввѣренной ему части 1-го стола второй экспедиціи ^(г), онъ занимался добросовѣстно и усердно, хотя находилъ ихъ для себя слишкомъ обременительными и всегда опасался подвергнуть себя, равно и производителей дѣлъ, отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1837—42), пока московскій первосвятитель присутствовалъ въ св. Синодѣ ^(в), Митрофанъ писалъ его высокопреосвященству поздравительныя, отъ лица консисторіи, рѣчи на день ангела (1-го декабря), на праздникъ Рождества Христова и день Нового года, на св. Пасху и на случай пожалованія какою-нибудь наградою. Какъ члену консисторіи, ему однажды по почтѣ было прислано безъимянное письмо отъ 3-го января 1849 г.; оно показано имъ самому владыкѣ. На томъ же листѣ письма святитель написалъ слѣдующее: «Ревнитель безъ нужды скрывается. Напоминаніе заслуживаетъ вниманіе. О. архимандритъ скажетъ благочиннымъ членамъ консисторіи, а они прочимъ благочиннымъ, а благочинные священникамъ, чтобы для кажденія въ церквахъ употребляемъ былъ еиміанъ, издревле принятый церковію, а производные виды куреній вводимы не были».

Кромѣ присутствованія въ консисторіи, съ 1837 по 1846 годъ состоялъ онъ членомъ комитета для провѣрки, по прошествіи каждаго мѣсяца, консисторскихъ суммъ; а съ 8-го октября 1838 года, обще съ секретаремъ консисторіи, Счастливымъ, порученъ былъ ему также ежемѣсячный надзоръ за приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ, хранимыхъ въ кон-

(г) Со времени раздѣленія, въ 1839 году, Моск. дух. консисторіи на двѣ экспедиціи, наблюденію Митрофана былъ ввѣренъ 1-й столъ въ второй экспедиціи, въ которомъ, по его собственно части, соединены были дѣла разнаго рода, напр. слѣдственные по всей Моск. епархіи, о наложеніи церковной эпитиміи на виновныхъ, по приговорамъ свѣтскихъ правительственныхъ мѣстъ, и другія.

(у) Владыка ежегодно бралъ отпускъ въ Москву съ половины мая по 4-е число сентября.

систорскомъ архивѣ ^(ф). Въ томъ же году начальствомъ возложена на него ежегодная повѣрка экономическихъ отчетовъ по Московской семинаріи и подвѣдомымъ ей училищамъ.

Вступая, 18-го января 1839 года, въ управленіе Знаменскимъ монастыремъ, что на старомъ государевомъ дворѣ, о. Митрофанъ обратился къ братіи съ поучительнымъ словомъ. Онъ взывалъ: «молю васъ, братіе, утвердить вашу братскую ко мнѣ любовь и довѣріе: ибо *любы вся созидаетъ*, по слову апостола.... Сія добродѣтель украшаетъ собою смиренныя обители вѣры; она оживляетъ и плодотворитъ всѣ другія добродѣтели». При немъ въ 1843—44 годахъ поновлена соборная Знаменская церковь и сдѣланы были измѣненія въ украшеніяхъ храмовой иконы Знаменія Пресв. Богородицы, — той самой, предъ которою молился благочестивѣйшій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Эти измѣненія, не скрывъ древности ея, придали ей только видъ благообразнѣйшій ^(г).

Архимандритъ Митрофанъ находился, по назначенію, при торжественномъ открытіи Бородинскаго памятника, 26-го августа 1839 года, въ присутствіи въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича. Съ 20-го января 1840 года былъ однимъ изъ членовъ строительнаго комитета, учрежденнаго по случаю имѣющей начаться постройки зданій для Московской семинаріи ^(и). Мая 20-го участвовалъ

(ф) Для этой цѣли еще въ 1824 году былъ учрежденъ особый комитетъ, который разобралъ дѣла въ архивѣ по тому же плану, какъ они были разобраны при митрополитѣ Платонѣ, т. е. въ особыхъ связкахъ по монастырямъ, московскимъ церквамъ и по уѣздамъ, и сдѣлалъ дѣламъ описи. Дѣла консисторскаго архива сохраняются въ такомъ видѣ по настоящее время. «Прав. Обозрѣніе» 1868, іюль, статья Н. П. Розанова.

(х) Въ обновленную церковь, по предложенію настоятеля, пожертвованы купцемъ П. Д. Плигинымъ потиръ, дискосъ и принадлежности ихъ, серебряные, искусной работы, вѣсомъ 5 ф. 6 зол. (Историческое описаніе Моск. Знаменскаго мон., архим. Сергія. М 1866, стр. 36, 50, 62-63.)

(и) Въ исторіи Моск. семинаріи можно различать три періода: *перервинскій*, когда семинарія была верстахъ въ пяти отъ Москвы, при Николоперервинскомъ мон.; періодъ пребыванія ея (съ 1-го сентября 1823 г.) при Заиконоспаскомъ мон. (въ центрѣ города);

въ ревизіи отчетовъ комиссіи, учрежденной по случаю возобновленія кааедральной въ Чудовъ монастырь церкви.

Отъ іюня 30-го 1845 года писалъ къ нему преосвященный Пареній, архіепископъ Владимірскій: «не очень радуется меня, что доселѣ занимаете третьекласный монастырь. Ваши достоинства и служеніе, казалось, должны были давно приподнять васъ. Развѣ нѣтъ вакансіи? Или не хороша погода?» Случилось такъ, что въ томъ же году октября 5 Митрофанъ переведенъ былъ въ Богоявленскій второкласный монастырь^(ч).

Онъ оставилъ не мало доказательствъ своей заботливости о благолѣпії монастыря^(ш), но преимущественно заботился о соблюденіи строгаго порядка въ отправленіи церковнаго богослуженія. Доказательствомъ послѣдняго служить сохранившееся письмо къ нему (21-го января 1850 года) отъ купцевъ (негоціантовъ и торговцевъ) московскаго Китая города. Они заявляютъ свою благодарность какъ настоятелю, такъ и братіи Богоявленской обители, за благочинное и неспѣшное богослуженіе, за внятное чтеніе и пѣніе, въ особенности за умиленное пѣніе стихиръ на голосъ канонарха; также за предстояніе монашествующихъ на обоихъ клиросахъ, «въ

и послѣдній періодъ (съ 1 ноября 1844) на настоящемъ ея мѣстѣ, т. е. въ домѣ бывшемъ графа Остермана (въ каретномъ ряду).

(ч) Въ донесеніи св. Синоду отъ 21 августа м. Филаретъ «долгомъ поставилъ изъяснить, что перемѣщеніе архимандрита Богоявленскаго Евсевія, жительствующаго въ лаврѣ при академіи, въ Петровскій монастырь, представляетъ ту сообразность съ обстоятельствами монастырей, что Высокопетровский, нѣсколько лѣтъ имѣвшій наличнаго настоятеля, удобнѣе можетъ на нѣкоторое время быть предоставленъ отсутствующему; а богоявленскій нѣсколько лѣтъ управляемый отсутствующимъ настоятелемъ, имѣть нужду получить наличнаго, для употребленія ближайшаго и непрерывнаго дѣйствованія къ его благоустройству».

(ш) Не задолго до его перемѣщенія возобновлена была (къ 15-му сент.) верхняя Богоявленская церковь. Въ его настоятельство, глава на этой церкви перекрыта вновь англійскимъ бѣлоглянцевымъ желѣзомъ; крестъ на ней поставленъ новый (1849 г.); наружныя стѣны окрашены бирюзовымъ колеромъ (1848); для соборнаго служенія въ монастырь, устроены приличные торжественнымъ праздникамъ парчевыя облаченія. Полковницею В. А. Азанчевскою, пожертвована серебряная вызолоченая риза на предѣльную икону святителя Алексія, въ 250 р. сер. (1847).

благоговѣннѣи и страхъ Божиѣмъ, какъ ангели Божиѣи,—не смѣющихся и не говорящихъ.»

Въ 1848 году 10-го іюня поручено ему, какъ «лицу свѣдущему и благонадежному», имѣть наблюденіе за печатаніемъ въ Московской Синодальной типографіи рукописи богослужебнаго Евангелія (въ количествѣ 1200 экзем.) для болгарскихъ церквей^(ш). Онъ долженъ былъ тщательно просматривать вновь каждый печатанный листъ, уже окончательно просмотрѣнный корректорами Синодальной типографіи; исправлять допущенныя погрѣшности; въ случаѣ сомнѣнія въ вѣрности текста, или дополненій и указаній (указательныхъ таблицъ), обращаться къ печатному греческому церковному тексту Евангелія и къ таблицамъ онаго, заимствуя оное изъ греческаго монастыря (въ Москвѣ), и къ изданію славянскаго Евангелія по Остромирову списку, и, если нужно, къ рукописямъ бібліотекъ Синодальной и Успенскаго собора. О сомнѣніяхъ, которыя не разрѣшились бы таковыми справками, немедленно надлежало представлять владыкѣ съ мнѣніемъ, а въ отсутствіе его изъ Москвы—преосв. викарію^(ъ).

(ш) Тайный совѣтникъ Стурдза, въ письмѣ (отъ 17 янв.) къ оберъ-прокурору св. Синода, графу Н. А. Протасову, объясняя, что большинство священниковъ въ Болгаріи затрудняются по малограмотности въ пріисканіи дневныхъ и совпадающихъ съ ними евангелій, и что отъ сего происходятъ иногда во время богослуженія ошибки и несообразности съ уставами церкви, просилъ отъ имени нѣкоторыхъ ревнителей православія въ Болгаріи, надѣлать ее изданіемъ доставленнаго (г. Стурдзою) при семъ письмѣ въ рукописи дневнаго Евангелія. Св. Синодъ, имѣя въ виду, что въ прежнее время и въ Россіи печатаемы были Евангелія, расположенныя не по историческому порядку происшествій, а по порядку праздниковъ и недѣль, начиная съ перваго дня Пасхи, опредѣлили: составленную въ подобномъ же порядкѣ рукопись Евангелія для болгарскихъ церквей, препроводить къ м. Филарету съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи оной и соображеніи съ древнимъ, бывшимъ въ Россіи подобнымъ изданіемъ, передалъ оную въ Моск. Синодальную типографію для отпечатанія подъ главнымъ его наблюденіемъ.

(ъ) вмѣстѣ съ архимандритомъ трудился Петропавловской, аа Московію рѣкою, церкви священникъ А. М. Соколовъ († 5-го янв. 1849), а по его смерти, Казанскаго собора протоіерей А. И. Невоструевъ.

За смертью архим. Гавріила, настоятеля Спасо-Андроникова монастыря, о. Митрофанъ временно управлялъ этою обителью съ 13-го августа по 14-е число октября 1848 года.

Ихъ императорскимъ высочествамъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ угодно было, проѣздомъ чрезъ г. Серпуховъ, 5-го сентября 1850 года, въ восемь часовъ пополудни, посѣтить Высоцкій монастырь. Встрѣчу у вратъ монастырскихъ, по распоряженію митрополита, производилъ Богоявленскій архимандритъ Митрофанъ ^(а); онъ же, съ крестомъ въ рукахъ, сопровождалъ высокихъ посѣтителей въ поклоненіи монастырской святыни. Изъ его донесенія епархіальному начальнику извѣстно, что великіе князья особенное вниманіе обратили на древнія иконы, въ соборной церкви, византійскаго письма, присланныя въ даръ Высоцкому монастырю константинопольскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ ^(б); также съ любопытствомъ разматривали двѣ крашенинныя ризы, принесенныя въ сію обитель преп. Сергіемъ. «Эта древность, сказалъ великій князь Николай Николаевичъ, для меня дороже всякой драгоценности. Потомъ сошли въ нижній придѣльный храмъ Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ есть древніе образа. «Какъ хорошо они сохранились до сихъ временъ!» изволили замѣтить ихъ высочества. Въ церкви св. Аѳанасія Аѳонскаго почиваетъ подъ спудомъ преп. Аѳанасій, игумень Высоцкаго мон., ученикъ патріарха Аѳанасія. Приложась къ его гробницѣ, великіе князья разбирали на ней надпись ^(в). Оставляя обитель, посѣщеніе которой, по словамъ ихъ высочествъ, доставило имъ удовольствіе, высокіе путешественники по Россіи просили молитвъ у братіи и за

(а) Высоцкій арх. Мельхиседекъ сконч. 16-го марта 1850 года, а новый настоятель еще не вступилъ въ управленіе монастыремъ.

(б) Обитель сію заложилъ собственными руками преп. Сергій Радонежскій и поставилъ въ ней игуменомъ ученика своего св. Аѳанасія, который въ 1383 г. хиротонисанъ въ патріарха константинопольскаго.

(в) «Преставился сей преп. отецъ нашъ игумень Аѳанасій, второй начальникъ святыя обители сей, яко повѣствуется отъ мірозданія 6.904 лѣта мѣсяца сентемврія въ 12 день и погребенъ на семь мѣстѣ».

тѣмъ, при монастырскомъ колокольномъ звонѣ, отправились въ дальнѣйшій путь по тульскому тракту.

Митрофанъ могъ свободно говорить на латинскомъ и французскомъ языкахъ, и потому былъ употребляемъ для услугъ иностранцамъ, имѣвшимъ духовный санъ и желавшимъ лично ознакомиться съ древностями и святыней г. Москвы. Митрополитъ Агаѳангель (изъ Грековъ), управлявшій Балаклавскимъ Георгіевскимъ монастыремъ близъ Севастополя, въ бытность свою въ Москвѣ, останавливался въ Богоявленскомъ монастырѣ, посѣтилъ вмѣстѣ съ о. Митрофаномъ кремлевскіе соборы, Троицкую-Сергіеву лавру и послѣ говорилъ въ письмѣ къ нему: «не знаю, какими словами благодарить васъ за то добродушное ваше участіе, какое принимали въ исполненіе моихъ священныхъ обѣтовъ, а равно и за то страннолюбивое угощеніе, коимъ доставляли мнѣ удовольствіе и покой (п. отъ 18-го сент. 1846) ⁽⁹⁾». Архимандрита удостоили своимъ милостивымъ посѣщеніемъ: преосвященнѣйшій митрополитъ литовскій Іосифъ (въ 1843 г.) и преемникъ въ Бозѣ почившаго *Филарета*, высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій, первый разъ въ санѣ протоіерея (1839), въ другой разъ уже іерархомъ (1840) ⁽¹⁰⁾.

1842 года мая 8-го дня прибылъ въ Москву, на возвратномъ пути изъ Петербурга въ свою епархію, митрополитъ кievскій Филаретъ. Онъ остановился, за отсутствіемъ Московскаго архипастыря, на Троицкомъ подворьѣ, а на другой день изволилъ кушать, у преосвященнаго викарія Іосифа. Къ

(9) Съ 1856 г. онъ жилъ на покой въ греческой іерусалимской патріархіи; сконч. 20-го мая 1865 г. Некрологъ его см. въ „Странникѣ“ 1865, томъ III, соврем. хроника.

(10) Преосв. Діонисій, бывшій епископъ пермскій, конецъ своей жизни провелъ въ Богоявл. мон.; онъ сконч. 24-го апрѣля 1846 г., погребенъ въ Знаменской церкви Андроникова мон. Митрофанъ почтилъ его надгробнымъ словомъ. Неофитъ митрополитъ иліопольскій и ливанскій, проживавшій (съ января 1848 года) въ Богоявленскомъ мон. для сбора добродетельныхъ подаяній въ пользу Антиохійской церкви, считалъ Митрофана „однимъ изъ лучшихъ друзей“ своихъ (п. отъ 5-го дек. 1850 г., на имя Нила М—ча, изъ Петербурга). Сконч. 3-го дек. 1853 г. въ Богоявл. мон., погребенъ въ Покровскомъ.

обѣденному столу былъ приглашенъ и Митрофанъ. По его словамъ, «митрополитъ (Кіевскій) въ обращеніи съ другими простъ, добродушенъ, невозносителенъ. Его бесѣда обнаруживаетъ въ немъ набожность,—она растворена особенно аскетизмомъ. Съ увлекательнымъ восторгомъ онъ говорилъ о Кіевѣ, о святыняхъ Кіевской и не разъ приглашалъ ѣхать съ собой Спасо-андриковскаго архимандрита Гермогена ^(я): они хорошо знаютъ одинъ другаго и сочувствуютъ между собой. За столомъ преосвященнѣйшій кушалъ довольно и себя великимъ постникомъ не выказывалъ; любитъ хорошій чай и защищалъ употребленіе оного противъ возраженій викарія». 10 числа митрополитъ священнодѣйствовалъ св. литургію въ большомъ Успенскомъ соборѣ. Онъ «служить довольно просто, не продолжительно, но съ набожностію и смиреніемъ.» Свою записъ о Кіевскомъ владыкѣ о. Митрофанъ кончаетъ литинской фразой: *quem volebam parat, videbam!*

Архимандритъ Митрофанъ, съ свойственною ему ревностію, до конца жизни занимался проповѣданіемъ слова Божія не только въ своей обители, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда открывался случай, или по назначенію начальства. Первосвятитель Филаретъ нерѣдко возлагалъ на него этотъ благочестивый трудъ; иногда назначалъ ему проповѣдь наканунѣ того дня, въ который она должна быть сказана во храмѣ, напр., при празднованіи рожденія царственного лица. Составленіе церковныхъ словъ отъ постоянного упражненія было для него нетруднымъ дѣломъ. Января 9-го 1844 года владыка извѣщалъ его: «Не предвидѣнно для меня случилось, что завтра говорить поученіе расположился преосвященный (викарій Іосифъ). Посему завтра, о. архимандритъ, останьтесь въ покоѣ, и не гнѣвайтесь, что трудъ вашъ недостигнулъ конца. Дѣло послушанія и дѣло полезнаго размысленія ва-

(я) См. о немъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1866, мартъ. Пр. Филаретъ, въ бытность свою въ Москвѣ, по случаю коронаванія государя императора Николая Павловича (1826 г.), останавливался въ покояхъ Гермогена. Защищая, въ разговорѣ съ высокимъ гостемъ, преподаваніе въ институтахъ франц. языка, о. Гермогенъ сказалъ: «надобно знать франц. языкъ для того, чтобы не знать французовъ (гувернеровъ) и французенокъ».

ми совершено.» Цѣня въ немъ всегдашнюю безпрекословную покорность, знаменитый начальникъ подарилъ проповѣднику книгу: *Камень въры*, съ собственноручною надписью: «архимандриту Митрофану въ благодарность за готовность другъ друга . . . ги носить. Ноября 19, 1844.»^(е) Сверхъ того, отъ 5-го ноября 1846 года имъ доведено до свѣдѣнія св. Синода, что арх. Митрофанъ «постоянно усерднымъ и ревностнымъ прохожденіемъ возложенныхъ на него должностей и исполненіемъ особо возлагаемыхъ на него порученій, а также и назидательными поученіями въ словѣ Божіемъ, заслуживаетъ особенное вниманіе и признательность начальства.» Въ слѣдующемъ году мая 10-го, онъ былъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й ст.

Изъ проповѣдей своихъ только нѣкоторыя, особенно замѣчательныя по случаямъ, при которыхъ онѣ произносились, издавалъ онъ отдѣльными брошюрами, или помѣщалъ, начиная съ 1847 года, въ московскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.»^(в) Въ 1850 году онъ собралъ эти напечатанныя проповѣди свои (числомъ 13) и издалъ ихъ въ одной книгѣ,

---

(е) Слово м. Филарета на освященіе храма въ г. Бронницахъ, 3-го февраля 1846 года, произнесено было не имъ «самолично, но чрезъ другія уста» — о. Митрофаномъ.

(в) По Высочайше утвержденному учрежденію о губернскихъ правленіяхъ, издаваемые при оныхъ вѣдомости должны быть разсылаемы во всѣ церковные приходы, какъ городскіе, такъ и сельскіе. Въ 1846 г. онѣ доставлялись въ приходы г. Москвы; съ 1847 г. и во всѣ сельскіе приходы. Митрополитъ Филаретъ, по полученіи, въ ноябрѣ 1846 года, программы вѣдомостей, которую редакція почла долгомъ предложить на его обсужденіе, написалъ 23-го числа слѣд. резолюцію: «какъ вѣдомости пойдутъ по всѣмъ сельскимъ церквамъ: то полезно было бы, если бы въ неофициальную часть входили между прочимъ статьи понятныя и полезныя для сельскихъ жителей въ духовномъ и нравственномъ отношеніи. Должно надѣяться, что начальство издающее вѣдомости приметъ сіе съ благорасположеніемъ. Посему пусть Боголюбенскій о. архимандритъ сообразясь представить мнѣ, кто бы изъ духовенства могли симъ заняться и какимъ образомъ». Отцомъ Митрофаномъ былъ сочиненъ «проектъ состава духовно-нравственныхъ статей, предназначаемыхъ для помѣщенія въ моск. губ. вѣдомостяхъ», и также списокъ лицъ изъ моск. духовенства, которыя могутъ быть призваны къ сему общепольному дѣлу. Въ этотъ краткій списокъ онъ и себя включилъ.

позъ заглавіемъ: *Слова и рѣчи на разные случаи...* Потомъ въ этомъ же году онъ издалъ, также въ одной книгѣ, выборъ изъ многочисленныхъ не напечатанныхъ проповѣдей своихъ, подъ заглавіемъ: *Поучительныя слова (15) на высоко-торжественные дни и на разные случаи...* Онъ готовилъ для изданія и третью книгу такого выбора. Вотъ отзывъ о проповѣдникѣ преосвященнѣйшаго Парвенія, заключающійся въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его письма къ Митрофану (1845 г. юня 30): «два присланные вами слова прочелъ съ удовольствіемъ. Не видно въ нихъ того жара и живости, которыми вы отличались въ молодости, но ихъ, съ преуспѣяніемъ въ возрастѣ, замѣнило преуспѣяніе въ основательности, стяжанной многолѣтними занятіями.» ^(а)

О достоинствѣ проповѣдей Митрофана читатели могутъ судить по слѣдующему извлеченію изъ его проповѣди, писанной въ 1838 г. на царскій день: «Хвалить и прославлять Бога есть упражненіе для насъ, какъ для твари разумной и свободной, сямое естественное. Не правда ли, сл., что все прекрасное и превосходное въ самомъ себѣ восхищаетъ, плѣняетъ и приводитъ насъ въ удивленіе? Чѣмъ болѣе открываемъ доброту и совершенствъ въ какомъ-либо предметѣ, тѣмъ болѣе продолжается наше удивленіе, болѣе увеличивается восторгъ и наслажденіе. Отъ сего-то невольно рождается въ насъ глу-

(а) Въ журналѣ: «Москвитиня» (1850, іюнь) было заявлено слѣдующее: «архимандритъ Митрофанъ пользуется въ здѣшней столицѣ давнишнею и заслуженною славою церковнаго проповѣдника, и конечно, очень многіе изъ читателей его проповѣдей часто были и слушателями живой его проповѣди, и знаютъ его, какъ отличнаго оратора. И самыя слова его заключаютъ въ себѣ много внутреннихъ достоинствъ. Они отличаются правильнымъ построеніемъ, ясностію мысли, хорошимъ знаніемъ и приличнымъ употребленіемъ св. Писанія, многими удачными примѣненіями и оборотами. Слова погребальныя заключаютъ въ себѣ много трудностей для проповѣдника. Часто нужно бываетъ обозрѣвать въ нихъ гражданскую и семейную жизнь умершаго, но обозрѣвать взглядомъ духовнымъ, не опуская ничего, что можетъ возбудить христіанское сочувствіе, и съ другой стороны, не пускаясь въ житейскія подробности, неумѣстныя на церковной кафедрѣ. Арх. Митрофанъ умѣетъ часто совмѣстить въ словахъ своихъ все важное и нужное, что представляетъ жизнь умершаго, и на все бросить взглядъ, приличный служителю вѣры».

бокое чувство уваженія къ тѣмъ лицамъ, кои превосходятъ насъ своими отличными качествами, дарованіями или доблестями. Отселѣ наши похвалы, восписуемыя имъ при ихъ жизни, памятники, воздвигаемые въ честь ихъ послѣ смерти. И это такая дань или память сердца, которой мы никакъ не можемъ возбранить себѣ, при всемъ нашемъ самолюбіи, — по-колику, усвоивъ другимъ справедливую честь, сами улаждаемся ихъ преимуществами. И если таковы бываютъ въ насъ чувства уваженія къ подобнымъ намъ человѣкамъ, чтожь сказать о высочайшемъ, всеовершеннѣйшемъ существѣ Божіемъ, котораго хвалить и чтить несравненно болѣе свойственно нашей мыслящей природѣ? Совершенства Божіи всегда и всюду открыты предъ нами, — сіяютъ яко солнце въ полудни. Все влечетъ, все движетъ, все возноситъ умъ и сердце наше къ Богу, — и дивныя дѣла творенія, и чудеса Его промысла, и дары благодати Его. Куда ни обратимся, къ видимой ли природѣ, или внутрь насъ самихъ, — вездѣ встрѣчаемся съ мыслью о Богѣ, такъ что ни на одно мгновеніе не можеть сія мысль возникнуть въ душѣ нашей, не возбуждая чувствъ благоговѣнія и признательности нашей къ *Царю вѣковъ, единому нетлѣнному, невидимому, премудрому Богу*, подобно какъ древле въ благочестивомъ царѣ израильскомъ и *остатокъ помышленія праздновалъ* Ему (Псал 75, 11). Все существо наше, вся внутренняя, вся кости не рекутъ ли въ насъ, какъ въ восторженномъ Давидѣ: *Господи, Господи! Кто подобенъ Тебѣ* (34, 10)? И поистиннѣ, когда вся видимая тварь, всякое дыханіе непрестанно хвалить Господа, когда *небеса повѣдаютъ славу Божію*, когда *день дни открываетъ* о Немъ свой *глаголь*, и *нощь нощи открываетъ* познаніе о Немъ (18, 1. 3), неестественно было бы намъ, разумнымъ и живымъ созданіямъ, премолчать хвалы Господни, для которыхъ имѣемъ предметы всегда новые, обильные, неисощимые...» (Поуч. слова на высокоторж. дни и на разные случаи. Стр. 7, 8).

Архим. Григорій.

(ОКОНЧАНИЕ БУДЕТЬ).